

Вильгельм Гауф

Пещера Штинфолля

Харчевня в Шпессарте

Вильгельм Гауф

Пещера Штинфолля

«Public Domain»

1827

Гауф В.

Пещера Штинфолля / В. Гауф — «Public Domain»,
1827 — (Харчевня в Шпессарте)

«На одном из скалистых островов в Шотландии много лет тому назад жили в счастливом согласии два рыбака. Оба были неженаты, не имели даже никаких родственников, и их общая работа, хотя и разного рода, кормила их обоих. По возрасту они были довольно близки друг к другу, но внешним видом и характером походили друг на друга не больше, чем орел и тюлень...»

Вильгельм Гауф Пещера Штинфолля

* * *

На одном из скалистых островов в Шотландии много лет тому назад жили в счастливом согласии два рыбака. Оба были неженаты, не имели даже никаких родственников, и их общая работа, хотя и разного рода, кормила их обоих. По возрасту они были довольно близки друг к другу, но внешним видом и характером походили друг на друга не больше, чем орел и тюлень.

Каспар Штрумпф был низенький, толстый человек, с широким, жирным и круглым как полная луна лицом и добродушно смеющимися глазами, которым, по-видимому, были незнакомы горе и забота. Он был не только жирен, но и сонлив и ленив, и поэтому ему достались домашние работы, стряпня и печение, вязание сетей для собственной рыбной ловли и на продажу, а также большая часть обработки их маленького поля. Совершенной противоположностью был его товарищ, длинный и худощавый, со смелым ястребиным носом и быстрыми глазами. Он был известен как самый деятельный и самый счастливый рыбак, самый предприимчивый охотник за птицами и пухом, прилежнейший на острове земледелец, и притом как самый скупой торговец на рынке в Кирхвалле. Но так как его товары были хороши и торговля без обмана, то все охотно имели с ним дело, и Вильгельм Фальке (так его звали соотечественники) и Каспар Штрумпф, с которым первый, несмотря на свою алчность, охотно делил свою трудно приобретенную выручку, имели не только хорошее пропитание, но и были на пути к достижению известной степени благосостояния. Но одно благосостояние было не тем, что соответствовало алчному характеру Фальке. Он хотел сделаться богатым, очень богатым, и так как он скоро понял, что обычным путем прилежания обогащение наступает не очень скоро, то остановился наконец на мысли, что он должен достичь своего богатства каким-нибудь необыкновенным, счастливым случаем. Так как эта мысль уже овладела его пылкой, кипучей душой, то он уже ничем другим не интересовался, и говорил об этом с Каспаром Штрумпфом как о какой-нибудь известной вещи. Последний, считавший за святую истину все, что говорил Фальке, рассказал об этом своим соседям, и скоро распространился слух, что Вильгельм Фальке или действительно дал за золото письменное обязательство дьяволу, или же получил предложение к этому от владыки ада.

Хотя сначала Фальке осмеивал эти слухи, но постепенно ему стала нравиться мысль, что какой-нибудь дух может некогда открыть ему клад, и он перестал противоречить, если его соотечественники подсмеивались над ним. Хотя он все еще продолжал свое занятие, но с меньшим усердием, часто терял большую часть времени, которое прежде обыкновенно проводил в рыбной ловле или других полезных работах, на бесцельную попытку какого-нибудь похождения, благодаря которому он вдруг должен был разбогатеть. На его несчастье, когда он однажды стоял на пустынном берегу и в неопределенной надежде смотрел на волнующееся море, как будто оттуда ему должно было прийти великое счастье, большая волна подкатила к его ногам среди массы вырванного мха и камней желтый шарик, золотой шарик.

Вильгельм стоял как очарованный. Итак, его надежды не были пустыми мечтами: море подарило ему золото, прекрасное, чистое золото, вероятно, остатки тяжелого слитка, который волны на дне морском размельчили до величины ружейных пуль. И теперь его воображению ясно предстало, что некогда где-нибудь у этого берега должен был разбиться богато нагруженный корабль и что ему предназначено достать погребенные в недрах моря сокровища. С тех пор это сделалось его единственным стремлением. Старательно скрывая свою находку даже от своего друга, чтобы и другие не нашли след его открытия, он ничего другого не стал делать и

проводил дни и ночи на этом берегу, где забрасывал не свою сеть за рыбами, а специально для этого приготовленную лопатку – за золотом. Но он ничего не находил, кроме бедности, потому что сам он уже ничего не зарабатывал, а вялых трудов Каспара не хватало, чтобы прокормить их обоих. В поисках больших сокровищ исчезло не только найденное золото, но постепенно и все имущество холостяков. Как прежде Штрумпф молча предоставлял зарабатывать лучшую часть своего пропитания Фальке, так и теперь он молча и без ропота переносил то, что бесцельная деятельность Фальке отнимала ее у него. Но это кроткое терпение друга было тем, что только еще сильнее побуждало Фальке продолжать свои неутомимые поиски богатства. Но что делало его еще более деятельным – это то, что каждый раз, когда он ложился отдыхать и его глаза закрывались для сна, что-то шептало ему на ухо какое-то слово; хотя ему казалось, что он слышит его очень ясно, и каждый раз оно было одним и тем же, однако он никогда не мог запомнить его. Хотя он не знал, что общего с его теперешним стремлением может иметь это обстоятельство, как ни странно оно было, но на такой характер, как у Вильгельма Фальке, должно было влиять все, и этот таинственный шепот помогал ему укрепляться в уверенности, что ему предназначено большое счастье, которое он надеялся найти только в куче золота.

Однажды на берегу, где он нашел золотой шар, его застигла буря, и ее сила заставила его искать убежища в близлежащей пещере. Эта пещера, которую жители называли пещерой Штинфолля, состояла из длинного подземного хода, открывающегося двумя отверстиями к морю и оставляющего свободный проход волнам, которые беспрестанно, с сильным ревом и пенясь, пробиваются через него. Пещера была доступна только в одном месте, а именно через расселину сверху, но в нее редко вступал кто-нибудь другой, кроме шаловливых мальчиков, потому что к опасностям собственно места присоединялась еще молва о нечистой силе. Вильгельм с трудом спустился в нее и сел приблизительно на глубине двенадцати футов от поверхности, на выступе под нависшим обломком скалы. Имея под ногами бушующие волны, а над головой разъяренную бурю, он погрузился здесь в свое обычное течение мыслей – о разбившемся корабле и что за корабль мог бы это быть, потому что, несмотря на все свои расспросы, он даже от самых старых жителей не мог получить сведений ни о каком разбившемся на этом месте корабле. Как долго сидел он так, он сам не знал; но когда он наконец пробудился от своих грез, то заметил, что буря прошла. Только он хотел подняться наверх, как из глубины раздался голос, и слово *Кар-мил-хан* вполне ясно достигло его уха. В испуге он вскочил и взглянул вниз, в пустую пропасть. «Великий Боже! – закричал он. – Это то слово, которое преследует меня во сне! Ради неба, что оно может значить?» – «*Кар-мил-хан!*» – как вздох, раздалось еще раз из пещеры, когда он одной ногой уже покинул расселину и как испуганная лань побежал к своей хижине.

Между тем Вильгельм не был трусом. Это произошло только неожиданно для него, а кроме того, жажда денег была в нем слишком могущественна, чтобы какой-нибудь признак опасности мог испугать его продолжать путь по опасной дороге. Однажды, когда он поздно ночью при лунном свете удил против пещеры Штинфолля своей лопаткой сокровища, она вдруг за что-то зацепилась. Он стал тащить изо всех сил, но масса оставалась неподвижной. Между тем поднялся ветер, черные тучи стали заволакивать небо, лодка сильно качалась и грозила опрокинуться. Но Вильгельм не боялся. Он тянул и тянул, пока не прекратилось сопротивление, и так как он не чувствовал никакой тяжести, то подумал, что его веревка оборвалась. Но в то самое время, когда тучи стали собираться над месяцем, на поверхности показалась круглая черная масса и раздалось преследовавшее его слово *Кармилхан*. Он поспешно хотел схватить эту массу, но так же скоро, как он протянул к ней руку, она исчезла в темноте ночи, а только что разразившаяся буря принудила Вильгельма искать убежища под ближайшей скалой. Здесь он заснул от усталости, чтобы, измучившись от неудержимого воображения, во сне снова испытать мучения, которые днем его заставляло переносить его неутомимое стремление к богатству.

Когда Фальке проснулся, первые лучи восходящего солнца падали на спокойное теперь зеркало моря. Он уже хотел опять приняться за обычную работу, как увидел, что издали что-то подходит к нему. Скоро он узнал лодку и в ней человеческую фигуру. Но что возбудило его величайшее изумление, так это то, что судно подвигалось вперед без парусов или весел, хотя носом было направлено к берегу, причем сидевшая в нем фигура нисколько, казалось, не заботилась о руле, если и был вообще руль. Лодка подходила все ближе, и наконец судно остановилось около Вильгельма.

Человек, сидевший в нем, оказался маленьким, сморщенным, старым карликом, одетым в желтое льняное платье, в красный торчащий сверху ночной колпак, с закрытыми глазами и неподвижный, как высохший труп. Напрасно окликнув и толкнув его, Вильгельм уже хотел прикрепить к лодке веревку и отвести ее, как человек открыл глаза и начал шевелиться, но так, что это навело ужас даже на смелого рыбака.

– Где я? – после глубокого вздоха спросил он по-голландски у Фальке, который от голландских рыболовов сельдей немного научился их языку.

Вильгельм назвал ему имя острова и спросил, кто же он и что привело его сюда.

– Я еду посмотреть на «Кармильхан».

– «Кармильхан»? Ради Бога! Что это такое? – воскликнул жадный рыбак.

– Я не даю никакого ответа на вопросы, которые мне предлагают таким образом, – возразил человек с видимым страхом.

– Ну, – закричал Фальке, – что же такое Кармильхан!

– «Кармильхан» теперь ничто, но некогда это был прекрасный корабль, нагруженный золотом больше, чем какой-либо другой корабль.

– Где он пошел ко дну и когда?

– Это было сто лет тому назад, а где – я не знаю точно. Я еду, чтобы отыскать это место и выловить погибшее золото. Если будешь помогать мне, то мы поделим находку.

– От всего сердца! Скажи мне только, что я должен делать!

– То, что ты должен делать, требует мужества. Ты должен как раз в полночь отправиться в самое дикое и пустынное место на острове, взяв с собой корову, которую ты там должен зарезать и дать кому-нибудь завернуть себя в ее свежую кожу. Твой спутник должен затем положить тебя на землю и оставить одного. Прежде чем пробьет час, ты узнаешь, где лежат сокровища «Кармильхана».

– Так именно погиб телом и душой сын старого Энгроля! – с ужасом воскликнул Вильгельм. – Ты злой дух, – продолжал он, поспешно гребя прочь, – ступай в ад! Я не могу иметь с тобой никакого дела!

Человечек заскрежетал зубами, забрался и послал вслед ему проклятие, но рыбак, взявшийся за оба весла, скоро был от него на расстоянии голоса, а обогнув скалу, исчез из вида.

Открытие, что злой дух старался сделать его алчность полезной для себя и золотом заманить его в свои сети, не исцелило ослепленного рыбака. Напротив, он стал думать, что можно воспользоваться содействием желтого человека, не предавая себя дьяволу. Продолжая удить у пустынного берега золото, он пренебрегал благосостоянием, которое представляли для него богатые уловы рыбы в других местах моря, равно как всеми другими средствами, на которые прежде он обращал свое внимание. Из дня в день все глубже погружался он вместе с товарищем в бедность, пока наконец не стал часто являться недостаток в самых необходимых жизненных потребностях. Но хотя это разорение нужно было приписать целиком упрямству Фальке и его ложной страсти, и пропитание обоим досталось теперь на долю одного Каспара Штрумпфа, однако последний никогда не делал Фальке ни малейшего упрека, он даже все еще оказывал ему ту же покорность, то же доверие к его превосходному уму, как в то время, когда его предприятия всегда удавались. Это обстоятельство значительно увеличивало страдания Фальке, но

еще больше заставляло его искать золото, потому что он надеялся вознаградить им и своего друга за его теперешние лишения. При этом его во сне все еще преследовал дьявольский шепот слова Кармильхан. Нужда, обманчивое ожидание и алчность довели его наконец до какого-то безумия, так что он действительно решил сделать то, что советовал ему человек, хотя по старому преданию хорошо знал, что этим он предавал себя темным силам.

Все возражения Каспара были напрасны. Фальке становился только горячее, чем больше Каспар умолял его отказаться от своего отчаянного предприятия. И добрый, слабый человек согласился наконец сопровождать Фальке и помочь ему исполнить свой план. Сердца обоих болезненно сжались, когда они обвязывали веревку вокруг рогов прекрасной коровы, их единственного имущества, которую они вырастили из теленка и которую всегда отказывались продать, потому что не могли решиться видеть ее в чужих руках. Но злой дух, овладевший Вильгельмом, подавлял теперь в нем все лучшие чувства, а Каспар ни в чем не мог противиться ему.

Это было в сентябре, и длинные ночи долгой шотландской зимы уже начались. Ночные облака тяжело катились от сурового вечернего ветра и нагромождались, как ледяные горы в Мальстреме, глубокий мрак наполнял ущелья между горами и сырыми торфяными болотами и мрачные русла потоков смотрели черно и страшно, как адские пасти. Фальке шел впереди, а Штрумпф следовал за ним, дрожа от своей смелости, и слезы наполняли его грустный взор всякий раз, как он смотрел на бедное животное, которое с таким полным доверием и бессознательно шло навстречу своей скорой смерти; она должна была достаться ему от руки, доставлявшей ему до сих пор пропитание. С трудом вошли они в узкую, болотистую горную долину, местами поросшую мхом и вереском, усеянную большими камнями и окруженную дикой горной цепью, которая терялась в седом тумане и куда редко поднималась человеческая нога. По зыбкой почве они приблизились к большому камню, который стоял посредине и с которого с криком полетел в высоту испуганный орел. Бедная корова глухо заревела, как будто сознавая ужас этого места и предстоявшую ей участь. Каспар отвернулся, чтобы вытереть у себя быстро потекшие слезы. Он взглянул вниз на отверстие в скале, через которое они взошли и откуда слышен был отдаленный прибой моря, а затем они поднялись на вершины гор, окруженные черным как уголь облаком, из которого время от времени слышно было глухое рокотание. Когда Каспар опять оглянулся на Вильгельма, последний уже привязал бедную корову к камню и стоял с поднятым вверх топором, собираясь убить доброе животное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.